

Любовь ШАШКОВА

КАМИЛЛА

(драматическая поэма)

От автора:

Художник и модель...
Художник и художник...
Становится ль ясней
Тьма истин непреложных?

Ты выбрал ли судьбу,
Судьба ли выбирает,
К позорному столбу
Призвав тебя из рая?

Ты выбрал ли любовь,
Любовь ли выбирает,
В безумье вновь и вновь
Водя тебя у края?

Ты выбрал ли модель,
Модель ли выбирает,
Когда тебе свирель
Пастушечью вручает?

Создателя – ваять?
Праксителя – в модели?
Любовь ли Галатеи?
Безумье ли? Как знать...

ДЕЙСТВИЕ I.

СЦЕНА 1. *Мондеверг. Забытый Богом уголок на юге Франции.*

Сумасшедший дом. Убогая одиночная палата Камиллы Клодель, женщины-скульптора, долгие годы бывшей ученицей и любовницей Родена. Она стоит у больничной тумбы, как у скульптурного станка, и как бы лепит бюст Родена. Останавливается. Прислушивается. В отдалении появляется Роден – это образ, вызванный воображением Камиллы.

Камилла:

Зачем пришел?

Роден:

Я должен объяснить.

Камилла:

Что объяснять? Роден, ты сделал выбор:

Ты выбрал Розу, старость и привычку.

Роден:

Я выбрал творчество, свою работу,

Такой же выбор сделала и ты.

Камилла:

Работа... А не ты ли говорил,

Что лишь со мной узнал ты вдохновенье?

Роден:

Я говорил, что вдохновенья нет,

А есть работа, искренность и воля.

Камилла (не слушая):

Не ты ли говорил, что лишь со мной

Ты создал лучшие свои скульптуры?

Роден:

Я говорил и говорю: есть правда

Искусства, та, что в правде наших чувств,

И надо следовать ей непреложно.

Камилла (не слушая):

Не ты ли говорил, что только я

Всегда тебя с полслова понимала?

Роден:

Я говорил, что наконец-то встретил

Единственную женщину, с которой

Мы целое, единое, одно -
И в жизни, и в искусстве, и в любви.
Так почему же ты меня не слышишь?

Камилла *(не слушая):*

Ты говорил мне, что твои скульптуры...

Роден *(перебивая в нетерпении):*

Я говорил и говорю, что мрамор
Не знал, Камилла, совершенной тела,
Чем гибкое, послушное – твое.
Я говорил и говорю, что бронзе
Не приходилось воплощаться звонче,
Чем в образ чистый, совершенный – твой.
Твое лицо, твои глаза, Камилла...

Камилла *(не слушая, перебивая):*

Ты говорил и говоришь о том, что
Мои скульптуры – суть твоих идей!

Роден *(предостерегающе):*

Камилла!

Камилла *(упрямо):*

Ты говорил, что творчество есть воля
А сам мою хотел похитить волю
И мной как куклой каменной вертеть!
Зачем пришел?

Роден:

Я должен объяснить...

Камилла:

Ты мне сказал, что ничего не должен,
Чтоб я тебе не ставила условий.

Роден:

Я лишь просил не ставить мне условий
С работой и поездками в Медон.

Камилла:

В Медон – где дом, где Роза и где сын,
Где прочное твое существованье!
Меня же ты обрек на ожиданье
На краешке "семейного гнезда".

Двенадцать лет держать меня в оковах!

Роден:

Я ничего тебе не обещал.

Оковы ты надела добровольно.

Камилла:

Вот я их добровольно и сняла.

Любовь не может жить, коль нет надежды,

В раздвоенности вечной и во лжи.

Роден:

Любовь не может жить в быту, в женитьбе,

В обязанности тягостной любить,

А ты была мне больше, чем женою.

Я говорил и говорю, Камила...

Камилла (передразнивает):

Ты говорил... Ты говорю... Камила...

(ожесточаясь)

Ты заковал меня в холодный мрамор,

Накрыл тяжелой гипсовой плитой,

А сам хотел свободы! Ты... Ты... Ты...

(смешивается, заговаривается):

Ты говорил мне, что мы будем вместе,

А сам меня в мешок холодный бросил,

Чтоб от меня избавиться навек...

В мешок – холодный мрамор, пыльный гипс...

(окончательно смешивается).

Уходите, уходите, уходите, все уходите

отсюда, мне надо работать, вы мне мешаете

работать. Я здесь леплю портрет Родена

(Руки ее начинают бессмысленно двигаться, появляется мелодия. Камила поет капризно-детским голоском).

"Некогда, милые дети,

Фея Урганда жила,

Маленькой палочкой в свете

Делав большие дела.

Только махнет ею – мигом

Счастье прольется везде.
Добрая фея, скажи нам,
Где твоя палочка, где?
Милая фея, скажи нам,
Где твоя палочка, где?.."

(Лепит, напевая, приговаривая: "Вот твоя бородушка, вот головушка – упрямая, рыжая..." Ласкает создаваемый портрет. Опомнилась, оглядывается в испуге). Не подглядывайте, не подглядывайте за мной! Это он, он вас прислал. Я знаю! Он хочет украсть мои скульптуры, он их выставляет, как свои, я знаю, знаю! Они никому не достанутся, никому! Никому! Никому! Никому! Вот вам, вот вам, вот вам... (Машет в пустоте руками, бьет по чему попало до экстаза, до изнеможения. Приходят санитары. Усмиряют.)

СЦЕНА 2.

Мондеверг. Та же убогая одиночная палата в сумасшедшем доме. Камилла, закутавшись в одеяла, сидит в постели, пишет письмо.

Камилла:

Какое счастье вновь вернуться о Вильнев -
Прекрасней Вильнева нет ничего на свете:
Прекраснее его тенистых улиц,
И солнца, и реки, и тишины!
Когда больные буйствует в палатах,
И душу рвут их стуки, крики, вопли,
Я думаю невольно об одном:
И чем я эту участь заслужила?
Своей работой до изнеможенья
И фанатичной преданностью ей?
Так надо ли мне было убиваться,
Чтоб жизнь свою закончить в Мондеверге

Под номером четырехзначным? Боже!
О, если б я могла вернуться в Вильнев,
Вернуться вновь к простой, нормальной жизни,
Поверьте, после всех моих страданий
Столь это счастье было б велико,
Что я бы вас послушаться не смела,
Я шага лишнего бы не ступила...
Вы пишете, что нужен мне уход,
Но ведь и здесь я обхожусь без нянек,
Я без прислуги прожила всю жизнь...
На днях несчастную из комнаты соседней -
Учительницу – я о ней писала -
Нашли в постели мертвою. Бедняжка
Замерзла попросту. Вам и представить трудно,
Какой ужасный холод в Мондеверге,
Как замерзает тело и душа...
И есть ли вообще на свете Вильнев,
И солнце, и тепло, и тишина?!
P.S. Письмо мое нельзя ли поскорей
С оказией какой отправить Полю?
Я знаю, я уверена, что Поль
Меня отсюда вызволит, он знает,
Что я всегда была ему послушна,
И я хочу лишь одного – работать,
Я сил еще полна, я молода,
Пожалуйста, возьмите меня в Вильнев,
Домой...

СЦЕНА 3.

Вильнев. Старый семейный дом Клоделей. Патриархальный уклад. Интеллигентная бедность семьи государственного служащего.

Мать (*перебирая листочки письма*):
Домой... Домой... Забыла, как рвалась

В Париж – из дома!

Отец:

Как давно все было...

Пора уже тебе ее простить.

Мать:

Ее простить? Не ты ли поощрял

Ее дурную тягу к рисованью?

Ты, помнится мне, весело смеялся:

"Вот вылитый Луи-Наполеон,

А это я – гляди, какой красавец..."

Ваятели! Уж чем любовь к искусству -

К шитью, к вязанью, к дому бы любовь!

Забыли дом и позабыли Бога!

Отец:

Ну, Бог, конечно, много нам помог!

Мать (*истово, тоном ревностной католички*):

Мы сами помогать себе должны,

Ища опору в Боге. А вот ты

С безбожием своим и вольнодумством

Под старость пожинай теперь плоды.

Отец (*примиряюще*):

Молись, мать, за ее больную душу...

Мать:

Мне всех ее грехов не отмолить.

Она же душу отдала Родену,

А тело выставила всем на обозренье,

Забыв девичий стыд и честь семьи.

Какой пример для младшей, для Луизы!

И где забота о карьере Поля?!

Нет, Поль был прав: все это до добра

Не довело бы. В том-то все и дело.

О Господи! С ее-то красотой,

С ее манерами, умом, талантом

Могла б такую партию составить,

Так нет же – лучше девкой у Родена!

И чем уж он ее околдовал -

Мужлан рыжебородый – ей ли ровня!
А в результате – сумасшедший дом.

Отец:

Куда ее упек любимый братец...

Мать:

По жалобе соседей, знаешь сам.
Что было делать? Господи, что делать.
И так уже гуляло по Парижу:
Мадемуазель Камилла в мастерской
Скульптуры создает и тотчас рушит,
А статуи – она, Роден, и Роза.
Везде одно – она, Роден и Роза.
Совсем уже рехнулась от любви...
Что было делать?

Отец:

Взять ее домой,
Везти ее сюда вот, в старый Вильнев,
Она бы здесь быстрее излечилась,
Чем в доме сумасшедших, в том аду,
Круги которого она теперь проходит.

Мать:

Гляжу, ты крепок задним-то умом,
А сам наездами бывал в Париже,
И думать ты не думал о семье,
О Поле...

Отец:

Ты же знаешь – я служил
И зарабатывал не для себя – для дома.

Мать (не слушая):

А Поль теперь профессор и посол,
И это всё тогда могло погибнуть
Из-за Родена. Любишь – так женись!
По-христиански.
Нет же, и с кухаркой
Он обвенчался только перед смертью,
И этой всю судьбу переломал...

Отец (*перебивает, не в силах всё снова вспоминать*):

Но он же предлагал нам свою помощь!

Мать:

Он! Помощь! Предлагал!.. Ее замучив -

Для очищения собственной души!..

Ты говоришь, как будто ты чужой,

Детей своих тебе не жалко будто.

Что ж, пожалей Родена. Мол, вину

Мы искупить несчастному не дали,

К Камилле не пускали и подачек

Не принимали!

Отец:

Мы же ей помочь

Не в силах, а она в такой нужде.

А Поль... Поль вычеркнул ее из жизни.

Ну почему б ее нам не забрать,

Когда врачи и то рекомендуют:

Полезен будет ей домашний воздух...

Мать:

А кто за ней здесь в Вильневе присмотрит?

Мы – немощные двое стариков...

У Поля и своих забот хватает,

Не надо раздражать его письмом.

(молится):

Дева Мария, мать всех матерей,

Пречистая, услышь мою молитву,

Прости мое заблудшее дитя,

Прости ее былые прегрешенья,

Спаси и укрепи ее, направь,

Дай сил ее слабеющему телу,

Дай сил ее слабеющему духу,

Свой свет благой пошли ее душе,

Спаси и сохрани...

(плачет, молится).

ДЕЙСТВИЕ II

Мастерская Камиллы на набережной Бурбонов. Холодное, мрачное помещение. Гипсы, обломки мрамора, гипсовая пыль. Скульптуры, укрытые мешковиной. Во время всего действия на ближнем к нам скульптурном станке одна и та же композиция на тему известной во многих вариантах скульптуры Камиллы Клодель "Зрелый возраст": юная коленопреклоненная женщина с мольбой пытается удержать за руку любимого, которого упрямо тянет к себе старуха Смерть.

СЦЕНА 1. *Камилла в мастерской. Ясный день. Композиция "Зрелый возраст" вариант 1: юная коленопреклоненная женщина и склонившийся к ней мужчина, их руки переплетены. Эта группа еще как бы вариант ее скульптуры "Забвение", только мужчина и женщина в ней поменялись местами. Третья фигура в композиции едва намечена, это пока еще бесформенная глыба гипса: дерево, тень, пень... Камилла лепит.*

Камилла:

Мне кажется, теперь я понимаю
Твои слова: быть не рабом послушным,
А господином чувств, когда ваяешь.
Ты прав: эмоции в моих работах
Бьют через край. Отбор здесь нужен строгий.
Экспрессию и чувственность – Родену.
А целомудренность и трепетность – Клодель.

Роден (*он возникает вдали, где-то в углу мастерской, он работает, но это опять-таки образ, вызванный воображением Камиллы*):

Экспрессию и чувственность – Родену?
Так что же ты обиделась, когда
О "Вальсе" твоим где-то написали,

Что по-роденовски он динамичен
И экспрессивен?

Камилла:

То, что о себе

Я знаю, знать не обязательно газетам

И в нос мне тыкать: "Мадемуазель

Клодель бессовестно заимствует у мэтра".

А я вам говорю, что нет и нет!

Что у меня своих идей хватает,

Другое дело, как их воплотить...

Роден:

Как чувству не рабом быть – господином?

Камилла:

Да, я умом всё это понимаю,

Но что мне делать, коль меня несет

На волнах чувства – музыки, любви,

И я кружусь, Огюст, в твоих объятьях,

Земли уже не чуя под собой.

Я счастлива: любима и люблю!

Пусть длится это сладкое забвенье:

Есть только руки и глаза твои,

Волшебные твои прикосновенья,

И я кружусь, кружусь, кружусь, кружусь...

*(Кружится по мастерской в паре с предполагаемым партнером,
не замечая ничего кругом. Останавливается, молитвенно
складывает руки):*

О Господи, когда меня ты спросишь,

Чем расплачусь я за мгновенья эти,

Отвечу: всё возьми – оставь Его.

Пусть я навек лишусь своей семьи,

Пусть не увижу мать, сестру и брата,

Пусть я забуду о своем искусстве,

Пусть не создам я больше ничего,

Пусть у него я буду подмастерьем,

Секретарем, натурщицей, служанкой, -

Позволь мне жизнь прожить вблизи Него!

(указывает на Родена):

Вот он – мой Бог. Меня он сотворил.
Вдохнул в меня божественную душу,
Забрав взамен ничтожную – мою.
Он жизнь мою наполнил новым смыслом,
И этот смысл – работа и любовь!

Роден *(насмешливо):*

Камилла, ты себе противоречишь.
Лишь пять минут назад с великой страстью
Ты отрекалась от своей работы
Родена ради и своей любви,
И вот уже твой труд на первом месте.

Камилла *(не приняв шутки):*

Нет-нет, Огюст, я не противоречу,
Я просто их уже не разделяю:
Работа есть любовь, любовь – работа,
И страсть она моя, и наказание...
Но без неё что для тебя я значу?
Натурщица. С Монмартра мединетка,
Лоретка из кафе – их пруд пруди...

Роден:

Что за охота – все назвать словами.
Камилла, наш с тобой язык – ваянье,
И лишь на нем нам надо говорить.
С азов, основ, как азбуку ребенок -
Учить, зубрить, работать и работать.
Представь себе, поэт в чужой стране,
Законов языка ее не зная,
Вдруг вздумал бы на нем писать стихи.
Вот так и мы. Ваянье – труд упорный.
Лишь дилетанты от искусства ищут
В нем удовольствий. Это только труд.
А дилетантов, ты права, Камила,
Я в мастерской своей не потерплю.
Но в том-то, милая моя, и дело,
Что ты работой нашей одержима,

В тебе есть и душа, и интеллект,
И все, что только в женщине возможно,
Все, что искал я и не находил,
Все это есть в единственной – тебе.
Вот камень. Он не даст соврать, Камилла,
Он выдаст все – бесчувственные руки,
Пустое сердце и убогий ум...
Но он же передаст всю силу чувства
И оживет, и будет вечно жить,
Как всё живое в матери-природе.
Лишь ей одной мы можем доверять.
Лишь в правде чувства – вечное искусство.
А правда... Правда в том, чтобы лепить
Не идеал, не образ, а – Камиллу,
Твою природу, женскую твою...
Я передать хочу любую жилку,
Всю трепетность твою, живую душу,
Объятья нескончаемые наши
Вот в этом грубом камне...

Камилла:

О, Огюст!

Гореть в аду нам грешниками Данта,
Как эти вот несчастные созданья -
Франческа и Паоло. Ты "Врата"*
Так мною заселил во многих ликах,
Что вижу в том я предзнаменованье
Дурное. Наказуема любовь.
А мы, Огюст, с тобою преступили
Закон людской и божий. Нам вдвоем
Не быть. Нас разведут с тобой, увидишь.
Нам слишком хорошо...

* *"Врата ада" – главный труд Родена, многофигурная композиция по мотивам "Божественной комедии" Данте.*

Роден:

Опомнись, ты о чем?

Есть ты и я. Любовь всегда права.

Мы будем вместе, сколько ты захочешь.

Разденься. Я хочу тебя лепить.

(Камилла нехотя медленно раздевается, начинает прохаживаться, как привыкла, по мастерской, позируя. Она поёживается.)

Ну что ты скрючилась угрюмою старухой?

Ходи свободно, радостно, пластично.

Тебе стесняться нечего. Согнулась!

Еще такую будешь – будет время,

Когда живот обвиснет, ягодицы

Увянут, грудь иссохнет, опадет...

А я груди такой еще не видел -

Высокой, полной, трепетной, упругой,

Как на египетских или индийских фресках.

Твои, Камилла, девственные груди

Не вздрагивают даже при ходьбе.

Божественное, женственное тело!

Постой вот так. Я должен прикоснуться,

Почувствовать твой каждый позвонок,

Узнать изгиб твой каждый...

Камилла:

О, Огюст, Иди ко мне, иди же...

(Свет гаснет).

СЦЕНА 2. *Мастерская Камиллы на набережной Бурбонов. Ночь.*

На станке композиция "Зрелый возраст" вариант 2: юная коленапреклоненная женщина тянет руки к любимому, но он уже как бы привстал и внутренне отстраняется, собираясь уходить. Третья фигура в композиции обретает очертания женщины. Камилла в волнении ходит по мастерской, что-то бормочет. Как бы опомнившись, внимательно смотрит вокруг.

Камилла:

О Господи, с ума можно сойти,
Дойти до чертиков и до галлюцинаций.
Нет, право же, Огюст, ужасно это:
Я по неделям здесь живу одна,
А от тебя ни весточки, ни слова.
Казалось бы: твори себе, работай,
Но и работа валится из рук, -
Изматывает это ожиданье.
Я здесь одна – привратник да скульптуры.
И тишина, и слышен каждый стук.
И я всё жду и жду, и жду тебя...
Сказал, отправишься в Медон дня на два,
И вот уже неделя. Где ты? Что ты?
А я волнуюсь, разболелось сердце.
...Пойти домой? Увидеться с родными?
Вдруг я уйду, а ты как раз вернешься...
И что родные? Мать начнет корить,
Что я с тобой свою сгубила душу,
И плакать, слать к причастию. А Поль?
Конечно, Полю трудно пережить,
Что старшая, любимая сестра,
Которую он так перевозносил,
Вдруг оказалась... Как он там писал
В своих любовных юных сочиненьях?
"Прекрасный лоб над дивными очами
Того густого голубого цвета,
Который лишь встречается в романах,
И редко в жизни. Гордый яркий рот,
Копна густая вьющихся волос,
Спадающих до талии изящной, -
Вид, впечатляющий веселостию детской
И дерзкой прямоотой, и превосходством..."
Всё это я.
И я вдруг оказалась
Не скульптором великим, как мечтала,

А подмастерьем, вечной ученицей,
Натурщицей, любовницей Родена.
Есть от чего расстраиваться Полю.
А Поль у нас – блестящий дипломат,
Поэт и драматург весьма известный.
Да вот и он.

*(В том же углу мастерской, где был Роден, появляется Поль
Клодель, презентабельный, импозантный красавец, вызванный
опять-таки воображением Камиллы).*

Ну, как дела там, дома?

Поль:

С каких это, прости, Камилла, пор
Тебя интересует, как там дома?
Тебе ж одно на свете интересно,
Где твой Роден. И я тебе скажу:
Он – *дома*, у себя, в Медоне он,
Гостей из Англии там принимает,
Берет заказы, счастлив и богат.
Вот, кстати, сколько стоит дом в Медоне?
Не знаешь? – Тридцать тысяч...
Несчастный, вечно бедный наш Роден,
И франка не имеющий в кармане,
Чтобы перчатки для тебя купить.
Роден, дающий – это всем известно -
В подписку для художника вдовы
Аж двадцать пять – подумать только! -
франков.

Камилла *(пытаясь остановить, запоздало):*

Мне вовсе не нужны перчатки, Поль...

Поль:

И шляпка не нужна тебе, и платье,
И выставка Камилле не нужна.
И что с того – пускай болтает пресса,
Что скульптор мадемуазель Клодель,
Послушная Родена ученица,
Копирует прославленного мэтра,

Но – не оригинальна, не ярка,
Не выйдет никогда из-под влиянья...

Камилла:

Как ты жесток. Как ты его не любишь.

Поль:

Достаточно, что любишь *ты* его...
Да пусть болтает, что угодно, пресса,
Но он-то видит твой талант, он знает,
Так почему же он тогда молчит?
И почему он – признанный, великий -
Продать тебе хоть что-то не поможет?
Бурдель, Далу – его ученики
Отбоя не имеют от заказов. А ты?!
Он, помнится, тебя даже не взял
На первый вернисаж свой. Смею думать,
Зависимость твоя и нищета
Ему нужны.

Камилла:

Неправда! Нет, неправда!
Я не бедна. У вас я не прошу...

Поль:

Камилла, но тебе уже за тридцать.
Он в это время начал и достиг
Всего. А ты свое упустишь время,
У женщины сил меньше, торопись...

Камилла:

Я здесь работаю, Поль, разве ты не видишь?

Поль:

Ты не работаешь, ты просто ждешь его.
А я твой брат, и я тебя люблю,
И я скажу, чего никто не скажет:
Он на тебе не женится, Камила,
Он никогда не женится, пойми.

Камилла:

С чего ты взял, что должен он жениться?

Поль (*не слушая*):

Роман этот позорный, о котором
С таким пристрастием Париж болтает,
И с наслажденьем имя наше треплет,
Он никогда не кончится, пойми,
Пока сама, сама ты не решишься
И не уйдешь. Камилла! Ты сама
Должна себя спасти. Поверь, Родена
Устраивает этот адюльтер.
На площади Италии – здесь ты,
Красивая еще и молодая,
В Медоне Роза преданная ждет...
Что еще нужно чтобы утвердиться:
Есть старая жена – ты будто молод,
Любовница есть – значит, ты мужчина.
Потом начнет лепить с Клодель Камиллы
"Ту, что была прекрасной Омиер"*.

** Известная скульптура Родена, изображающая падающую
женщину в старости.*

Скандал. Успех. Фурор. А кстати,
Ты видела, в "Салоне" прошлогоднем
Он выставил портрет мадам Бере?

Камилла:

Да, видела, да, слышала, да, знаю,
Как я устала, как я спать хочу...
*(Поль исчезает. Камилла одна, в
задумчивости)*

В одном он прав: действительно Роден
Всерьез меня воспринимать не хочет,
Похвалит, как погладит по головке:
Чем бы дитя ни тешилось! Родену
Кроме себя никто не интересен,
И роль моя – хвалить его, хвалить.
Да, вот она, вот истинная правда:
Чужих работ он попросту не видит,
Мир для него – Роден, Модель и Глина.
Все, что ему в работе помогает –

Пусть будет рядом, что мешает – прочь!
...Бежать, бежать от всех своих сомнений,
От слабости своей, от ожиданий
Подачек – и любви, и похвалы...

СЦЕНА 3. *Мастерская на набережной Бурбонов. Утро. На станке – композиция "Зрелый возраст" вариант 3: юная коленопреклоненная женщина с мольбой пытается удержать за руку любимого, которого упрямо тянет к себе старуха Смерть. Руки любовников еще не разомкнулись, герой еще не принял окончательного решения, но в третьей фигуре группы уже явно угадывается Роза Бере. Камилла, укладывающая вещи, по-прежнему одна.*

Роден (он появляется в том же противоположном углу мастерской, и это опять образ, вызванный воображением Камиллы):

Ты слышала? Мадам Друэ скончалась.
Теперь за бюсты гения Гюго
Я, видимо, не получу ни франка.
(Замечает Камиллу, укладывающую вещи)
Ты собираешься? Что это значит?
Что в голову тебе еще взбрело?

Камилла:

Мне надоело ждать тебя годами.

Роден:

Камилла, мне б теперь твои заботы.
"Врата" не кончены, и памятник – Бальзак
Не движется. Торопит министерство.
А ты хандришь. Нам надобно работать,
Не отношенья выяснять – работать...
(Начинает готовить к работе станок, разминает гипс):
Камилла, слышишь? Что же ты легла?
Ты заболела? Что болит, скажи...
Ну, хорошо, ну отдохни немного,
А я примусь-таки за эти гипсы,

Как бы там ни было, а надо их кончать.
...Вот кстати, о мадам Друэ. Ты знаешь,
Жюльетта – первая красавица Парижа -
Когда-то за возможность быть с Гюго
Всё отдала – и роскошь, и богатство,
И положенье в свете, и семью.
Да, милая, и знает весь Париж,
Мадам Друэ была Гюго опорой,
Помощницей в работе: защищала,
Боролась за него, боготворила,
И обожала до смерти его.
(Гм. Так и получилось, что – до смерти.)
И сам Гюго признался, что Жюльетта
Всем для него была, но не женой.
А он при этом изменял безбожно,
И это тоже знает весь Париж.
Но вместе пятьдесят – подумай! – лет,
Воистину роман бессмертный века,
Получше всех, написанных Гюго.
Вот героическая женщина Жюльетта.
Таких уж больше нет.

Камилла:

Конечно, нет.

Мадам Друэ была Гюго служанкой,
Что променяла роскошь и богатство
На мученичество – служить Гюго,
Быть его тенью, верною рабыней,
Ждать ласки и любви, как подаянья...
И это тоже знает весь Париж.
Взамен того, чтоб пожалеть Жюльетту,
Ты, кажется, завидуешь Гюго.

Роден:

А что жалеть? Она не знала разве,
На что идет?

Камилла:

Она его любила!

Роден:

Я не охотник здесь читать мораль,
Но женщины всегда твердят "любовь!",
Когда им нечем больше оправдаться.

Камилла:

В чем оправдаться?

Роден:

В собственных глазах
За вечную привязанность к мужчине.
Для женщины свобода не нужна.
Она не знает просто, что с ней делать.
Для самой образованной и умной
Нужны оковы. Их навек надев,
Она того же ждет и от мужчины,
Твердя: "Женись!"

Камилла:

Ну, уж зато мужчинам
Нужна свобода...

Роден (*нетерпеливо*):

Чтоб творить, работать!

Камилла (*вдруг устало*):

Ты этот разговор, Огюст, затеял,
Чтоб лишний раз мне место указать?

Роден:

Прости, я лишь развлечь тебя хотел,
Поговорить, забыв, что твои речи
Всё об одном: женись, женись, женись,
И бедная покойная Жюльетта
Тебе, увы, Камила, не пример!

Камилла:

Ты так легко шутить всем этим можешь.
Но неужели ты не понимаешь,
Что мне нужна свобода, чтоб работать,
Что мне нужны оковы, чтоб любить!
Взаимные оковы – двух сердец...
Увы, но ни того и ни другого

Мне не дано. И я себя делю
Между тобою и своей работой,
Тебя делю с твоей несчастной Розой.
Делю, делюсь – от этого деленья
Мне кажется, что так я измельчала,
Что нет уже нигде меня самой.
И хочется мне закричать порою:
"Ау, Камилла, где ты?"

Роден:

...Где ты? В какие эмпиреи забрела?

Камилла:

Давай с тобой поговорим серьезно.
Ведь я уже не девочка, Роден,
Пришедшая когда-то в мастерскую.

Роден:

Ты для меня ничуть не изменилась,
Ты расцвела.

Камилла:

Огюст, я не о том.
Я для себя давно переменилась.
А ты не видишь, ты не замечаешь:
В тебя уходят замыслы мои,
Энергия и воля... Я к тому же
Так часто от работы отвлекаюсь...
Все будто не живу, а жизни жду!

Роден (не вникая):

Ну, хорошо, ну я же обещал,
Что больше отвлекать тебя не буду,
Что стану больше приглашать натурщиц -
Теперь позволить это я могу,
А ты работай.

Камилла:

Нет, я не о том.
Я не о том, как ты не понимаешь?
Любовь – сама тяжелая работа,
Скульптура же не хочет больше ждать.

Вот бунт вещей! Тут выбери – попробуй.

Роден:

Ну, бунт вещей мне вправду не понять,

Я над вещами сам всегда хозяин.

Ты проследила, завезли мне мрамор?

Камилла:

Его сгрузили в главных мастерских. *(про себя):*

Он думает лишь о своей скульптуре,

А обо мне? Так хочется работать

В спокойствии и внутренней свободе,

О гордости не помнить уязвленной,

С уверенностью в новый день глядеть:

Жена Родена в мастерской Родена.

Так нет же! Только он – великий скульптор...

А, может, я его переросла?!

(испугавшись своих мыслей, оглядываясь на Родена)

...И все-таки, кто хоть однажды видел

Родена, увлеченного работой,

Сказал бы тот: вот это руки Бога,

Вот первый день творенья на Земле!

(Родену):

Огюст, твоя рука сейчас похожа

На руку Бога. Жизнь в твоей руке,

Ты первого ваяешь человека...

Роден:

Постой, что ты сказала, повтори!

Камилла:

Я говорю тебе про руку Бога...

Роден *(радостно):*

Камилла, умница моя, как ты права,

Я это вылеплю, я это вижу!

Да, Господа творящая рука!

А ты должна позировать для Евы.

Прекрасной, женственной и полной жизни.

Камилла, как же я тебя люблю!

Сейчас мы композицию поищем.

Камилла:

Я этого в тебе не понимаю:
Работу бросить, новую начать,
Ты не закончить и другой увлечься...

Роден:

Зачем жевать то, что идти не хочет?
Ты молода, и ты не понимаешь,
Что может каждый день последним стать.
Да, это ты себе позволить можешь
Не жить, а новой жизни только ждать,
А мне уже пора поторопиться.

Камилла:

Ты всё о том же – снова ты о смерти.
Кому-кому, а уж тебе здоровья
Отпущено еще на целый век...

Роден:

Бог даст, его мы вместе проживем.

Камилла:

Да... Но вот если б ты пообещал...

Роден (*вскидывается*):

Не надо только ставить мне условий!
Я делаю и так, всё, что возможно
И более того, а ты не ценишь.
Ты знаешь, я с тобой всегда был честен,
Я ничего тебе не обещал,
И значит, ничего тебе не должен!

Камилла:

Ах, значит, ты мне ничего не должен?!

Ты должен Розе, сыну, но не мне.
И только я всегда должна, должна
Забыв себя, быть нянькой и прислугой,
И тешить честолюбие твое,
И ждать среди этих каменных болванов...
Я ненавижу, слышишь? – Не-на-ви-жу
Твою скульптуру, этот скользкий мрамор,

Этот скрипящий на зубах шамот,
В которые уходит моя жизнь!
Я всё здесь разобью, я ненавижу!
*(начинает, крушить заготовки, гипсы, всё, что попадает под
руку. Роден пытается ее остановить):*

Роден:

Камилла! Что ты делаешь, опомнись!
Остановись, Камилла, пожалеешь!

Камилла:

Пусти меня! Иди к своей корове,
Лижи ей зад, она тебя простит,
Все перетерпит. Я ж терпеть не буду.
Всё! Хватит, хватит... Не держи меня!
Ищи теперь себе мадам Друэ!

Роден:

Камилла! Ты сошла с ума, опомнись!..

Камилла:

Да, пусть уж лучше я сойду с ума...

*СЦЕНА 4. Мастерская Камиллы на набережной Бурбонов.
Вечер. На станке композиция "Зрелый возраст" вариант 4:
юная коленапоклоненная женщина тянет руки к любимому,
но его – покорившегося, смирившегося, властно уводит за
собой Старость, в которой явно проступают черты Розы
Бере. Камилла работает, она лепит один из вариантов
"Забвения" – юных влюбленных.*

Камилла *(в увлечении работой):*

И что бы там Роден ни говорил,
И что бы там вокруг ни говорили,
Я знаю свой талант. Свой дар от Бога.
Я кончиками пальцев ощущаю
Вот эту жизнь, которую творю,
И чувствую себя подобной Богу!
Творцу. Создателю. Как это верно
У Микеланджело: Есть Сотворенье Мира!

Творца фигура и Адама тело
Единые в касанье кратком рук...
Господь вдыхает Жизнь прикосновеньем!
И вот его творенье – не его,
Оно само есть Жизнь. Жизнь торжествует!
Так пусть в своем немыслимом забвенье
Любовники вот эти молодые
Живут теперь отдельно от меня,
Напоминая мне... Нет, не хочу,
Нет, ничего мне не напоминая.
И счастье, и любовь – всё далеко.
На площади Италии... Не надо!
Не надо душу рвать себе, Камилла.
Есть счастье высшее – восторг работы,
Когда тебе подвластен целый мир.
И надобно любить себя. Лелеять
В себе талант. И ничего не помнить.
Пусть помнят только руки, что творят:
Быть чувству не рабом, а господином...
Как все это, однако, далеко.
Роден. Его восторг. Его суровость.
И резкость. И неожиданная улыбка.
Забвение любви и тяжкий труд..
(спокойное, но горькое признание):
Мне никогда не позабыть Родена.
Да, в творчестве пророчество опасно.
Зачем лепила боль, тоску, разлуку?
Накаркала! Теперь терпи, терпи.
Надень власяницу смирительной рубашкой...
Быть иль не быть... женой? Вот в чем вопрос
Наивный датский принц. Безумный Гамлет...
И девочка Офелия так быстро
Сошла с ума от глупых детских фраз,
Игры в любовь. Сошла с ума, не зная,
Что есть слова: Не ставь условий мне,
Я никогда и ничего не должен...

(Камилла в волнении начинает ходить по мастерской)

Так, значит, он мне ничего не должен?
Двенадцать лет – как день один – пустяк?
Он должен Розе. Молодость ее -
Монета неразменная – с Роденом,
А молодость моя – другое дело -
Он разменял и по рукам пустил.
О Господи, о Боже мой, о чем я?
Какие руки, если это тело
Не хочет знать других на свете рук...
Зачем я это сделала, зачем?
Ведь я люблю его, я умираю,
Я, кажется, с ума могу сойти...
Воспоминания меня замучат,
Замучит голос в тишине ночной -
Роденовский: "Камилла, твои груди
Остались девственными и полны желаний,
Я никогда тобой не пресыщаюсь,
Двенадцать лет леплю, люблю тебя,
Как в первый день, как в первый раз, когда
Ты девочкой мне отдалась, Камилла"...
Зачем не иссыхает плоть моя?
Старухой стать – угрюмой, без желаний...
Но нет, всё помнит, помнит это тело,
И лишь его! его! его! желает!
Он только мой! И я хочу его!
Пойти к нему... Пойти к нему, а он там
С натурщицей, с какой-нибудь лореткой!
Я не пе-ре-не-су! Меня здесь бросить,
Не приходите, слать пошлого Каррьера
С улыбкой мерзкой: мол, Роден, бедняга,
Не понимает, почему ушла...
Нет, сам придешь, Роден, и повинисься,
Раскаешься в том, что меня измучил,
И в том, что потакаешь грязным сплетням,
И в том, что говоришь: я подражаю,

А сам ты выставляешь "Дух войны",
Что целиком скопировал у Рюда!
Признаешься: не куплен "Зрелый возраст"
Из-за тебя, из-за твоих проделок,
В герое ты себя узнал, как видно...
Так пусть Камилла гибнет в нищете,
Ты в это время с помпою откроешь
"Мыслителя" у Пантеона. Славы,
Богатства, женщин вечно жаждешь ты!
О, не-на-ви-жу!
Как могла любить
Сатира козлоногого! Да он же -
Старик! Старик! Какая же я дура!
*(Камилла в волнении ходит по мастерской, подходит к
скульптурам, понемногу успокаивается, опять начинает
работать, на сей раз над портретом девочки)*
Какая дура, как я виновата...
Разбить скульптуры! Закатить скандал,
Действительно достойный лишь кухарки!
Да разве может он меня простить,
С его упрямством! С гордостью его!
Теперь лепи вот детские головки
Детей, тобой с Роденом не рожденных...
(Лепит, напевает колыбельную из Беранже):
«Некогда, милые дети,
Фея Урганда жила,
Маленькой палочкой в свете
Делав большие дела.
Только махнет ею – мигом
Счастье прольется везде.
Добрая фея, скажи нам,
Где твоя палочка, где?
Добрая фея, скажи нам...»
...Твердил, что ненавидит он детей,
Что у художника – его скульптуры – дети,
А сам всю жизнь заботится о сыне,

Хоть «маленький» Огюст того не стоит –
Лентяй, пропойца, мот. А эта Роза?..
Кухарка Роза празднует победу:
Довольна, что хозяин с ней в Медоне...
Зачем я это сделала, зачем?
Кому и что я доказать сумела?
Что скульптор я? Да, скульптор – без заказов,
Без выставок, в убогой мастерской...
Что не люблю? так я его люблю.
Ну а Париж, перемолов мне кости,
Кому-нибудь еще перемывает...
Он никогда меня не позовет,
Уж я его упрямство изучила.
И я – и я к нему уж не вернусь,
Чем далее, тем это невозможней.
Но он же должен, должен понимать –
Мне плохо без него, схожу с ума я
От этих бесконечных монологов,
Чтоб доказать свою, его вину...
И если кто порой сюда заходит,
Так разве только маклер сумасшедший,
А маклер – это каждому известно –
Не может маклер сумасшедшим быть.
Да вот и он – нетрудно убедиться.

Всё в том же дальнем углу мастерской появляется какой-то человек, который начинает там возиться, что-то искать.

Камилла:

Чем вы там занимаетесь, месье?

Маклер:

Ищу, мадемуазель, что здесь купить.

Камилла:

Здесь ничего, месье, не продается.

Маклер (вежливо):

Но я же слышал, мимо проходя,

Слова, что вы, мадемуазель, шептали:
"Ах, если бы мне что-нибудь продать..."
Где "что-нибудь", готовое к продаже?
Здесь только стены голые да пол...

Камилла:

Зато здесь есть прекрасная скульптура.

Маклер:

Скульптура? Где?! О чем вы говорите?!
Уж не безжизненных ли этих баб
Или вот этих мужиков бесполох
Вы словом называете – "скульптура"?

Камилла:

Да как вы смеете? Да я... Да вас...

Маклер (*не слушая*):

Хотя вот эта голова Родена
Вполне б сгодилась бочку затыкать –
Невелика и тяжела отменно.
Что, по рукам? Я голову беру.

Камилла:

Однако же... С чего вы это взяли,
Что этот бюст шамотовый – Роден?

Маклер (*самоуверенно*):

Ну кто ж в Париже не узнает мэтра?

Камилла:

И уж не он ли вас сюда послал?!

Маклер:

Да как сказать? Он вроде, и не он,
Но и не без его, видать, участия.

Камилла:

Нельзя ли изъясниться пояснее?

Маклер:

Терять мне нечего – яснее, так ясней!
Меня сюда изволила послать
Мадам де Шуазель. Вам это имя
Сказало что-нибудь?

Камилла:

Признаться, нет.

Маклер:

Поклонница великого Родена
Приобрести портрет его желает,
И герцогине мэтр велел купить
У вас скульптуру.

Камилла:

Господи, да он...

Да вы с ума, как видно, походили.
Так вот, месье, скажите этим людям,
Здесь ничего для них не продается,
Вы слышите? Не продается ничего!

Маклер:

Мадемуазель Клодель, вы успокойтесь,
Вы, видимо, не поняли меня...

Камилла:

О нет, я всё прекрасно поняла!
Я разобью все здесь сама сейчас же,
Но вашему прославленному мэтру
Не поживиться больше здесь ничем!

*(Передвигается беспомощно и суетливо по мастерской,
пытается как детей укрыть скульптуры чем попадет под
руку, задвигает их, передвигает. Настойчивый стук в дверь):*

Камилла (испуганно):

Кто? Кто это стучит?

Голос:

Привратник...

Мадемуазель Клодель, вы за квартиру
Намерены платить? Что вы молчите?...
Ну что ж, судебный пристав разберется
С долгами вашими...

Камилла (в прострации):

Судебный пристав...

Он разберется... с долгами нашими...

Долги... Долги... Он ничего не должен!

(кричит):

Вы слышите, он ничего не должен!
Он никогда и ничего не обещал!..

СЦЕНА 5. *Мастерская Камиллы на набережной Бурбонов.*

Скульптуры, гипсы, куски мрамора, гипсовая пыль, укрытые мешковиной статуи... На станке – "Ниобиды" – девушка-дитя с теми же чертами лица, что и героини "Забвения", "Зрелого возраста", в той же позе, но теперь без своего спутника, одинокая, смертельно раненная в грудь ядовитой стрелой. Камилла один за другим рисует жуткие, непристойные шаржи на Родена и Розу Бере, разбрасывает их по мастерской. Видит в разных углах мастерской Розу, Родена, Поля, Мать, Отца, она поочередно обращается к ним.

Камилла *(бросает листки в Розу Бере):*

На, полюбуйся! Узнаешь себя?!

А этого великого Родена, которому отрадно

В дерьме знакомом старом ковыряться?

Он преданно сидит на поводке,

Чтоб, вырываясь на свободу, тут же

Бежать к продажным девкам, к проституткам,

К авантюристке этой – герцогине...

Ну что ж, терпи, ты этого хотела,

Дотерпишься, глядишь, и до венца...

(не закончив, обращается к Полю):

А вот и Поль... Входи, любимый братец,

Теперь меня ты можешь не стесняться,

Теперь, как видишь, Поль, я жизнь веду

Порядочной трудяги-парижанки,

И имя честное Клоделей не позорю

Преступной связью с проклятым Роденом.

Так что же ты, блестящий дипломат,

Ко мне по-родственному не заходишь

Знакомиться с работами моими,

Которые теперь оригинальны

И не подвержены его влиянию?

С Роденом кончено. Ты этого хотел.
Твоей карьере я не помешаю,
Хоть слухами заполнен весь Париж
О том, что я – Клодель Камилла, скульптор
Сошла с ума в своей любви к Родену,
Который меня бросил! Бросил! Бросил!
Так обо мне судачат бабы в бане,
В кафе – лоретки, девки на панели,
В салоне у мадам де Шуазель...
Но ты-то их не слушаешь, да, Поль?]
(замечает мать):

Ах, мама, в церкви тоже говорят?
Там прокляли мою живую душу
За то, что отдала ее Родену,
За то, что называла его Богом,
И только на него всегда молилась,
Забыв Всевышнего. Я искуплю свой грех.
И Богородица пошлет покой
Моей душе. Она болит, болит,
Молись же, мама, что бы ни случилось,
За блудную свою больную дочь,
Хоть, может быть, она того не стоит
В своей гордыне.

(замечает, отца):

Вот и ты, отец.
И ты в Париже. Ах, как хорошо,
Мужчина с женщиной своею жить обязан
Не разлучаясь. Обними же маму.
Ты видишь, что она уж постарела,
Тебя неделями, годами ожидая.
Но вот вы вместе. Вот и хорошо.
Как там Луиза? Музыка ее
Во мне звучит, звучит, я очень часто
Пою те песни, что мы в детстве пели...

(напевает, кружась по мастерской):

"Некогда, милые дети,

Фея Урганда жила..."

(останавливается возле своих скульптур, внимательно их рассматривает):

Вы за меня теперь не беспокойтесь.
Как видите, работаю, леплю. И преуспела.
Не правда ли, прекрасные скульптуры?
Вот посмотрите:
Вот "Клото" – карга
Прядет устало нити наших жизней
И может их в любой момент порвать.
И станется с нее!
А вот "Забвенье" -
Счастливого забвенья молодое
Двух любящих. А это "Зрелый возраст" -
О нем не будем. Это "Бабы в бане" -
Я знаю, что у них на языках:
О "Ниобиде" сплетничают бабы...
Вот "Ниобида", вот "Мольба", портреты -
Всё это я, всё я, всё я...

(ко всем присутствующим в неожиданном страхе):

Т-с-с-с! Тихо!

Не подпускайте только к ним Родена!

Он замыслы, он жизнь мою ворует,

Поскольку сам давно уже иссяк.

(начинает поспешно укрывать статуи тряпками, мешковиной, задвигать их, прятать. Обращается к Родену):

Роден, ты видел? Больше не увидишь!

Теперь украсть тебе их не удастся!

Я лучше их вот этими руками

Все уничтожу, чем тебе отдать!

Я разобью их все, как в мастерской

На площади Италии, ты помнишь?

Что, жалко было бедные осколки?

А жизнь мою – разбитую – не жалко?

Ее уже не склеишь, не наладишь...

Вот наша девочка, смотри – наше дитя,

Я колыбельную ей сочинила, слушай:

"Некогда, милые дети,

Фея Урганда жила..."

(неожиданно обрывает, пение, жалобно, показывая на грудь):

Но что-то здесь болит, болит, болит,

И выйти мне на улицу так страшно... *(яростно):*

Да, страшно!

Вдруг появится Роден,

Он ходит красть сюда мои скульптуры,

А их все меньше, меньше... Боже мой...

(в ужасе оглядывается, кричит):

Не подглядывайте, не подглядывайте за мной! Это он, он вас

прислал. Он и сам здесь, я знаю, знаю... Но они никому не

достанутся, никому, никому, вот вам, вот вам... *(Начинает*

неустово крушить гипсы – начатые, готовые, без разбора.

Голоса за дверью):

Голос I:

Ну, началось...

Голос II:

Опять она кричит,

Совсем ополоумела, как видно.

Голос III:

И за едой давно не выходила.

Голос IV:

Ну, вот и хорошо, что не выходит –

Детей пугать. Страшилище такое.

Неужто сам Роден ее любил?

Голос V:

И брат такой порядочный, достойный...

Голос VI:

И, говорят, в правительстве к тому же..

Голос V:

В правительстве? Пусть ею и займется.

Голос IV:

Конечно, ей не место в нашем доме!

Голос III:

Да за него она давно не платит...

Голос II:

В психиатричку, в Виль-Эввар её!

Голос I:

Нет, в Мондеверг, В "загон для сумасшедших"!

Голос VI:

Да, надо сообщить об этом брату...

Голос V:

Карету "скорой помощи" сюда

И санитаров дюжих, да побольше...

Голос I:

Не может же так вечно продолжаться...

ДЕЙСТВИЕ III

СЦЕНА 1. *Мондеверг. Убогая одиночная палата Камиллы. Она стоит у больничной тумбы, как у скульптурного станка, и как бы лепит бюст Родена. Останавливается. Прислушивается. Появляется Роден, опять-таки в ее воображении.*

Камилла:

Зачем пришел? Ты умер.

Роден:

А ты рада?

Камилла:

Я наконец спокойна. Я свободна.

И от тебя и от своей любви.

Роден:

Я ждал тебя тогда почти неделю.

Ты не вернулась. Запер мастерскую

И больше там ни разу не бывал.

Боялся, что работать не смогу,

Что ничего я не создам отныне...

Камилла:

Да, ты всегда любил свою работу.

Роден:

Но ведь и ты была моей работой.

Ты жизнь мою с собою унесла.

Камилла:

Не надо только лгать. После меня
В другой своей благополучной жизни
Ты много создал. Ты преуспевал.

Роден:

Я был всегда с тобой, Камилла, честен.
Я понял, романтической любви
На суетной земле нет больше места.
Мечта уходит, и ее не держат.

Камилла:

Роден, я просто женщиной была,
И я тебя любила... Да, любила
Тебя намного больше, чем себя.
А ты всегда любил свою работу,
Покой, свободу...

Роден:

Вспомни "Руку Бога".
Ее сюжет сама ты подсказала.
Ты говорила, я тебя леплю
И в жизни и в любви,
Так почему ты...
Что ты хотела этим доказать?

Камилла:

Да, ты меня лепил, лепил, лепил,
Но стал материал сопротивляться
(А ты привык к податливости глины),
И ты меня сломал, сломал и бросил,
Да, выбросил осколки, вымел пыль!

Роден:

Что ж, я всегда любил послушных женщин.
И тратить жизнь свою на уговоры
Не мог. А коль меня не понимают...

Камилла:

Любую статую свою любил ты больше!

Роден:

А для тебя соперничество – жизнь?

Так успокойся, у тебя соперниц

Нет, не было и никогда не будет!

Камилла:

О, нет, Роден, был у меня соперник

Неодолимый – это был ты сам.

И я тебя ваять, Огюст, хотела

В искусстве и в совместной нашей жизни

По образу – подобию Любви.

Но ты не поддавался ни на йоту...

Роден:

Ну что ж, Камилла, пусть я виноват,

Но я тебя любил, и я был счастлив,

И это счастье принесла мне ты.

Мне жаль, что я доставил только горе...

Камилла:

Наверное, гармония лишь в том,

Чтоб создавать друг друга

Друг для друга,

И видеть в этом радость бытия.

Роден:

Я знаю, мне уже не оправдаться... И мне пора...

Камилла:

Постой, не уходи. Мне нужно объяснить...

Роден:

Что объяснять, Камилла?

Ты стала лучшим скульптором Парижа,

С клоделевским своим особым даром.

Вот погоди, еще твои работы

Откроет мир. Жаль, что такой ценой...

Твоя болезнь...

Но мне пора, Камилла!

Камилла:

Постой, не уходи, я не больна.

Мне нужно объяснить...

Роден:

Пора, пора мне...

Камилла:

Не уходи, Роден, не уходи-и-и...

(Камилла на коленях простирает руки вслед Родену, как на ее известной скульптуре "Мольба").

От автора:

Камилла Клодель, известный французский скульптор, родилась в 1864 году. В 1883-1895 годах работала с Роденом. Последние 30 лет своей жизни провела в сумасшедшем доме в Мондеверге. После ее смерти администрация больницы известила ее брата о том, что "у мадемуазель Клодель к моменту кончины не обнаружилось ни личной одежды, ни ценных бумаг, ни вообще каких-либо вещей, могущих служить памятью". А когда 12 лет спустя – после смерти посла и академика Поля Клоделя – семья решила перезахоронить прах Камиллы, могила ее на кладбище в Мондеверге не была обнаружена.